

Слово о «Слове»

Недозаумь на смыслопогранке:
аще слово хотяще творити,
запендюришь с оттяжкой полбанки
и начнёшь своё песнесоитье,
чернопесню залепишь сразмаху
лживотворно, чай не по-Бояньи,
громку славу себе рокотаху
ежесловенным совокупаньем.

Растекашется зелье по чреву,
бррзные кони заржут за Сулою,
зело Ярая Славная дева,
аки зигзица, в облаци взмоет.
И в поход покундѣхает войско,
в половецкую русскую землю.
Будут биться Буй-Туры геройски,
но и Бесовы Дети не дремлют.

Ох нелепо, не лепо ведь, братья,
ради чти да проклятых половчих,
забуйтурясь, войну начинать.

Ить потопчут хоробрых, потопчут!

Громомолнии в туча заблещут,
пьяной кровью набухнет Каяла,
солнце тьмою затмится зловещей,
и поляжет поганных немало.

Будут волцы грызть русские кости,
в дольном Киеве жонки завоют,
половню станут клясть да чехвостить,
и бояре зальют ретивое.

Да по црьквам костистые девкы
закрычат про замызганный грязью
пресвященный хорюговь на древке
в половецком плену, купно с князем.

Вдребадан накумысятся гады.
Князь забудется смертной истомой.
Но вотще их смердящая радость –
инда сокола унасекомишь?

Ить уйдёт Святослаич на волю,
между спящих поганных прокравшись...

И зарыщут зверьём в чистом поле
Гза-Кончак несолонохлебавши.

Яр-Буй-Тур, пестер-кречете-сокол
Игорь-свет побежит горностаем,
уткой-гоголем в реках глубоких,
шизоволцем в степи поскакает.
Прискакает на Русь, величаво
головой воссядет на плечи.
Охлябь неба над ним словно слава
и хана хановьям половечьям.

Эту летопись славы и горя
записал во Бояново имя
хулиганистый старец Григорий,
захлебнувшись словами своими.